

УДК 82

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ В ПЕРЕВОДАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА ИЗ «ФАУСТА» И.В. ГЁТЕ: К ПРОБЛЕМЕ РЕЗОНАНСНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© А.М. Саяпова, М.В. Орлова

Статья посвящена проблеме интертекстуальных связей лирики Ф.И. Тютчева и И.В. Гёте, осмысленных как резонансный тип отношений. На примере четырех натурфилософских элементов (огня, воды, земли и воздуха) доказываются наличие целого слоя творческих переключек тютчевской поэзии с художественной системой Гёте, объясняемых синергетическим типом мышления в восприятии природы, что определяет новизну нашего подхода к исследуемой проблеме. Конкретизирующим материалом статьи выступают переводы Ф.И. Тютчева из трагедии И.В. Гёте «Фауст».

Ключевые слова: четыре стихии, натурфилософская лирика, мир как Целое, резонансные отношения.

Сравнивая и сопоставляя стихии воды, огня, земли и воздуха в переводах Ф.И. Тютчева из гётевского «Фауста» с собственной лирикой русского поэта, можно обнаружить, что на самом раннем этапе своего творчества Ф.И. Тютчев чрезвычайно близок к В. Гёте, чье мироощущение определяется интуитивным восприятием мира как Целое. Цикл Ф.И. Тютчева «Из «Фауста» В. Гёте включает *пять* стихотворений, написанных в конце 1820-х – начале 1830-х годов. Переводы Ф.И. Тютчева сделаны из I части «Фауста» В. Гёте: I – отрывок из «Пролога на небесах», II – диалог Фауста с Духом Земли из сцены «Ночь», III – монолог Фауста из сцены «Ночь», IV – монолог Фауста из сцены «У ворот», V – монолог Фауста из сцены «Лес и пещера»¹.

Обращение Ф.И. Тютчева к фрагментам из «Фауста» В. Гёте нужно воспринимать как «вторичное высказывание», в основе которого схожий тип мышления в понимании мироздания и человека в нём, что позволяет использовать сравнительный анализ творчества двух авторов.

Пантеизм мироощущения В. Гёте и увлечение Ф.И. Тютчева натурфилософией определяют идею созерцания природы как синергетический тип мышления, предполагающий восприятие мира как Целое в субъект-объектной неразделенности [См. об этом: 1, 2].

«Фауст» В. Гёте как «первичное высказывание», «вторичное высказывание» русского поэта, а именно переводы из «Фауста», могут восприниматься как аналоговые модели в европейской и русской литературе, сформировавшиеся на основе синергетического типа мышления в восприятии природы. Каждая из них, родившись в сфе-

ре своей национальной культуры и литературы, становится концептуальным средством, методологическим ключом в интерпретации многих других явлений творчества того и другого поэта.

В мифопоэтической системе Ф.И. Тютчева большую роль играла водная стихия. Об этом писали многие исследователи (В.Н. Касаткина, Б.М. Козырев, К.В. Пигарев и др.). Можно утверждать, что в творчестве поэта глубже всего воплотилось античное представление о воде как первовеществе. По словам Б.М. Козырева, «вся вообще стихийная надиндивидуальная (т.е. высшая по Тютчеву) жизнь определяется как «животворный океан»» [3: 123]. Вода оказывается всеобъемлющей стихией: она дает начало всему живому. Вода и сама является живым существом: у неё есть тело, душа, голос. Тютчевская природа наполнена журчанием воды, раскатами грома, звуками обильного дождя. Водная стихия позволяет природе самовыразиться, раскрыться в её глубинном отношении.

Вода не нарушает гармоничного строя природы. Так, в сцене «Ночь» «Из «Фауста» Гёте Ф.И. Тютчев пишет:

*Волны в боренье,
Стихии во пренье,
Жизнь в измененье –
Вечный, единый поток!..*² [5:292].

Несмотря на буйство стихий, на изменения, которые они за собой влекут, волны являются частью единого потока, частью Целого, они не разрушают его. Из стихий складывается целостный образ мира. Он ярко свидетельствует о том, что жизнь – это «вечный, единый поток».

Пять философских отрывков из «Фауста», взятых вместе, дают квинтэссенцию философ-

¹ Известно также, что кроме названных отрывков, Ф.И. Тютчев полностью перевел I акт II части «Фауста», но рукопись перевода была случайно уничтожена поэтом.

² В оригинале у Гёте в этом месте – букв. «вечное море» [4:45].

ской мысли В.Гёте, какой она виделась Ф.И.Тютчеву на рубеже 1830-х годов. В сцене диалога Фауста и Духа Земли и, в частности, в словах Духа о «вечном, едином потоке» проявляется сущность мироздания. Бог, как выясняется, растворен в природе, в ее непрерывном движении. Заметим, что Дух Земли («geschäftiger geist») переводится Н.Холодковским как «деятельный дух» [6: 68], Б.Л.Пастернаком – как «деятельный гений бытия» [7: 39], а в переводе Ф.И.Тютчева – «бессмертный дух» [5: 292]. Три последующих переведенных Ф.И.Тютчевым монолога Фауста реализуют процесс восприятия природы как целостной субстанции, благодаря чему самопознание человека начинается с познания природы. Именно на этой мысли обрывает Ф.И.Тютчев монолог, завершающий и весь фаустовский цикл.

Возвращаясь к стихии воды, нужно отметить, что она приносит спокойствие, радость не только в мир природы, но и в мир человеческой души. Весенние воды «гласят» о приходе «теплых майских дней» («Весенние воды», не позднее 1830 г.) и о возрождении самого человека. Настроение радости и спокойствия ощущается и при прочтении монолога Фауста из сцены «У ворот», созданного Ф.И.Тютчевым:

У ног моих лежит прекрасный мир...

<...>

Сребристый ключ в золотые реки льется.

<...>

И уж вдали открылся и светлеет

С заливами своими океан [5: 293-294].

Светлая картина, похожая на сон, окрыляет и вдохновляет. За водной стихией просвечивает подлинный мир природы. Строки Ф.И.Тютчева из «Пролога на небесах» (первый фрагмент):

Морская хлябь гремит валами

И роет каменный свой брег,

И бездну вод с ее скалами

Земли уносит быстрый бег! [5: 291],

– создают впечатление о водной стихии, вовлекающей целостный пейзаж в свою судьбу.

В контексте сказанного любопытно рассмотреть перевод Ф.И.Тютчевым стихотворения В.Гёте «Приветствие духа» (не ранее 1827 г. и не позднее 1829 г.). Стихия воды, обычно беспокойная и бушующая, не пугает лирического героя, который ощущает единство с ней; душа его бессознательно ищет слияния с потоком, доверяется ему, и герой готов, подобно ладье, спокойно отдаться во власть морской стихии:

На старой башне, у реки,

Дух рыцаря стоит –

И, лишь завидит челноки,

Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,

<...>

Пробушевал полжизни я,

Другую проволоку:

А ты плыви, плыви, ладья,

Куда несет поток!» [5: 265].

Можно сказать, что поток выступает здесь символом судьбы, несущей частную человеческую жизнь по своим волнам. Практически все произведения Ф.И.Тютчева, относящиеся к водной тематике, пронизывает динамическое начало. Это начало определяет как композиционную основу, так и звуковой строй поэтических текстов, что можно продемонстрировать на примере стихотворения «Что ты клонишь над водами» (начало 1830-х гг.). Движение воды передают здесь сочетания звуков «бжт» – «плщ» – «блщ» в глаголах «бежит» – «плещет» – «блещет» [5: 81]. В стихотворении Ф.И.Тютчева «Неохотно и несмело» (6 июня 1849 г.) представлена картина летнего солнечного дня, тишину которого нарушает внезапная гроза. Чтобы показать «жизненность» природы, Ф.И.Тютчев использует следующие фразы: «*принахмурилась земля*», «солнце раз еще *взглянуло исподлобья*». Оригинально звучит тавтологическое сочетание слов «*зеленеющие нивы зеленее под грозой*». Глагольные формы способствуют передаче мгновенного изменения в мире природы: «пробилась», «летит», «взглянуло», «потонула» [5: 121] (курсив наш. – А.С., М.О.).

В переводе монолога Фауста из сцены «У ворот» Ф.И.Тютчев выразительно рисует картину заходящего солнца, употребляя следующие обширные метафоры: «светило дня несёт животворенье», «светлый бог главу в пучины клонит» [5: 293-294]. Здесь солнце «ведёт себя» как живое существо. Свет и солнце для Ф.И.Тютчева – одни из самых ярких, любимых образов, проходящих красной нитью через всё творчество поэта. Солнце – вечный источник жизни. Солнечный свет разливается красками дня, мир природы светится:

Вдруг солнца луч приветный

Войдет украдкой к нам

И брызнет огнецветной

Струю по стенам...

(«В часы, когда бывает...», не позднее апреля 1858 г.) [5: 179].

Глаголы «прильнуть», «следить», «тонет», используемые Ф.И.Тютчевым в анализируемом отрывке «Из «Фауста» говорят о стремлении поэта слиться с природой, с солнцем. Сонорные звуки «н» – «р» – «л» создают картину ожидания, настраивают читателя на дальнейшее развитие действия: «*Прильнуть к его лучам, следить*

его течение?»; «Сребристый ключ в золотые реки льется»; «И уж вдали открылся и светлеет / С заливами своими океан» [5: 293-294].

Динамическое начало («И вдруг крыла таинственная мощь...») завершается отчаянным восклицанием: «Прелестный сон!.. и суетный!.. прости!..» [5: 294]. Таким образом, с водной стихией, сочетающейся со стихией света, солнца, могут быть связаны мотивы свободы, судьбы, времени и обновления, и человеческая жизнь соотносима с этой стихией.

Не менее интересной является стихия огня. Исследователи творчества Ф.И.Тютчева (Б.Я.Бухштаб, В.Н.Касаткина, Б.М. Козырев, К.Пигарев и др.) подчеркивали, что в лирике поэта огонь предстает не только как живительная, но и как разрушительная сила. В стихотворении «Пожары» (16 июля 1868 г.) огонь порождает в душе Ф.И.Тютчева чувство страха и ужаса, смешанного с отвращением. Однако в контексте всей натурфилософской лирики Ф.И.Тютчева стихия огня выступает прежде всего как гармоничная, живая сила. Так, в стихотворении «Под дыханьем непогоды» (12 августа 1850 г.) пламень вечерней зари «сыплет искры золотые, / Сеет розы огневые» [5: 140]. Стихия огня пронизывает розы, между ними ощущается тесная взаимосвязь: ср. «Жарче румянец роз» («Cache – cache», не позднее 1828 г.) [2: 38] или «блистают розы и горят» («Весна», 1821–1822 гг.) [5: 240].

Свет огня разлит во всей природе, он и в душах людей:

*Как пляшут пылинки в полдневных лучах!
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.*

«Cache – cache» [5: 38].

А в переводе диалога Фауста с Духом Земли Ф.И.Тютчев характеризует презренье как эмоциональное чувство эпитетом «пламенным»: «Не удручай сим пламенным презреньем...» [5: 292]. В стихотворении «Певец» (1829, перевод из Гёте) использованный принцип интериоризации позволяет говорить о том, что огонь играет важную роль как в жизни природы, так и человека: «У смелых взор смелей горит...» [5: 288].

В отличие от огня, оказывающегося как созидательной, так и разрушительной силой, стихия света у Ф.И.Тютчева обладает гармоничным началом: ср. «Летний вечер» (не позднее 1828 г.), «Сияет солнце, воды блещут» (28 июля 1852 г.).

Образ солнца в контексте стихии света – это живой организм. Солнце зачастую «руководит» другими стихиями. Ф.И.Тютчев называет солнце «светлым богом» (из «Фауста»). Солнце является источником «светозарности» земных вещей:

*Сребристый ключ в золотые реки льется.
<...>*

*И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.*

(из сцены «У ворот», IV фрагмент из «Фауста») [5: 293-294].

В стихотворении Ф.И.Тютчева «Ночные мысли» (перевод из Гёте, конец 1820-начало 1830-х гг.) дается образ ночного света, который является антитезой к образу солнечного света. Если В. Гёте в «Фаусте» называет месяц «чистым» (дословный перевод), то у Ф.И.Тютчева этот образ связан со стихией света: «в сиянье кротком» («Из «Фауста») [5: 295].

У Ф.И.Тютчева состояния максимального проявления жизненной энергии всегда передаются посредством взаимодействия света / огня и воды: «блещут» весенние воды; апогей любовной страсти – единение жары и прохлады («Пламя рдеет, пламя пышет...», 10 июля 1855 г.) [5: 169]. Парадоксальная метафора «влажный огонь-свет» («Пламя рдеет, пламя пышет / Искры брызжут и летят...») – это проявление гармоничности бытия, воплощение жизненного начала мира через сочетание воды и света.

Также весьма характерным для лирики Ф.И.Тютчева стихия воздуха. Воздух – самая легкая и чистая стихия мира, «бездна голубая» и животворная [8: 20]. К этой стихии Ф.И.Тютчев относился с особым благоговением. Он пишет о воздухе «благовонном» («В часы, когда бывает», не позднее апреля 1858г.) [5: 179], о животворной воздушной струе («Хоть я и свил гнездо в долине», октябрь 1860 г.) [5: 187], о неуловимом звуке, слышащемся в тишине («Е.Н.Анненковой», 1859) [5: 186], о теплых порывах ветра, о небесной лазури («Как весел грохот летних бурь», 1851) [5: 151]. Именно с этим образом связано далекое, таинственное Там, где слышна только жизнь природы и где человек способен обрести желанную гармонию, но:

*Мы в небе скоро устаем, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем...*

(«Проблеск», не позднее осени 1825 г.) [5: 33].

Воздушная стихия привлекала поэта в первую очередь своей чистотой и беспредельностью. «Лазурь небес» прочно вошла в лирику Ф.И.Тютчева («Утро в горах», не позднее 1929 г.; «Есть в осени первоначальной...», 22 августа 1857 г.; «Осенний вечер, 1830). В монологе Фауста из сцены «Ночь» Ф.И.Тютчев вслед за В. Гёте передает слиянность души человека с небесами: «Порыв души в союзе с небесами» [5: 293]. Человек (Фауст) чувствует, как для него «возникает новый мир» (дословный перевод из Гёте). В

природе ничто не может оставаться безучастным к переменам в человеческом обществе.

В лирике Ф.И.Тютчева можно выделить небо дневное, когда там царит солнце («Сияет солнце, воды блещут...», 28 июля 1852 г.; «Неохотно и несмело...», 6 июня 1849 г.), небо ночное, на котором полноправным хозяином является месяц («В толпе людей, в нескромном шуме дня...», начало 1830-х гг.; «На возвратном пути», конец октября 1859 г.). Ночное небо, как правило, притягивает лирического героя таинственной пустотой, светом ярких звёзд. Звёзды позволяют читателю судить о чистоте небесной сути. В стихотворении «Певец» (Из Гёте, 1830) поэт называет «звёзды в небе» «раем чудес»:

*«Как звёзды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся, взор – не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»* [5: 288].

В стихотворении «Ночные мысли» (Из Гёте, конец 20-х – начало 30-х гг.) мореходец вглядывается в звёзды сквозь «ночную беспредельность неба», он размышляет об их существовании:

*О! Какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!* [5: 296].

Более того, герой говорит о звёздах с чувством победителя: «Вы мне жалки, звёзды-горемыки! / Так прекрасны, так светло горите...» [5: 296].

Стихия воздуха не может быть рассмотрена в отрыве от стихии земли, которая, впрочем, в лирике Ф.И.Тютчева представлена в меньшей степени, чем другие природные образы.

Земля у Ф.И.Тютчева воспринимается и в конкретном значении – как один из четырех первоэлементов, и в более широком смысле – как центр Вселенной. Существование матери-земли невозможно без наличия стихий огня, воды, воздуха. Глубины Земли являются родиной воды, в то время как родина огня – небо. Земля становится воплощением вечной молодости и обновления. Вместе с наступлением весны пробуждается весь мир. Ф.И.Тютчев поет гимн матери-земле в стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастия...» (1835).

В «Прологе на небесах» из «Фауста» Гёте Земля как центр Вселенной «уносит» с собой «бездну вод с ее скалами». Она связывается с божественной семантикой (из сцены «Ночь»):

Звучите ж, гласы, второсья, гимн святой!

*Слеза бежит! Земля, я снова твой!*³ [5: 293].

Земля в конкретном плане противопоставляется стихии неба. Ф.И.Тютчев наделяет ее эпитетами: «издыхающая» («Снежные горы», не позднее 1929 г.) [5: 43], «горящая» («Здесь, где так вяло свод небесный...», 1830) [5: 54], «обгорелая» («Безумие», 1830) [5: 57] и т.д.

Ф.И.Тютчев любит сближать противоположные стихии: огонь и воду, землю и воздух. Огонь солнца в лирике поэта проникает в водные струи: ср. хрестоматийное «повисли перлы дождевые, и солнце нити золотит», «река искрится», «море лучезарно»; ср. кроме того: «бесцветный грунт небес» («Через ливонские я проезжал поля», начало октября 1830 г.) [5: 63]. Мельчайшие частицы Земли способны проникать в воду и огонь:

*Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!*
«Cache – Cache», [5: 38].

Или в стихотворении «Фонтан» (не позднее апреля 1836 г.):

*И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден* [5: 99].

Земля может «потонуть» в сиянье солнца («Неохотно и несмело...», 1849) [5: 121]. Ф.И.Тютчев соединяет и стихии воды и воздуха:

*Река воздушная полней
Течет меж небом и землею.*

(«Летний вечер», не позднее 1828 г.) [5: 39].

Точно так же в переводе монолога Фауста из сцены «У ворот» перед нами открываются стихии, переходящие друг в друга:

*Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в золотые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан* [5: 293-294].

В этом фрагменте встречаются все четыре стихии: огня («выси в зареве»), воды («сребристый ключ», «золотые реки», океан), воздуха («полет веет») и земли (долины, «цепи гор», «лесистые страны»). Все они создают целостную картину мироздания.

Таким образом, как для мифопоэтического текста Ф.И.Тютчева о развитии вселенной с ее природными стихиями, так и для текста В.Гёте, созданного пантеистом, для которого предмет культа – природа, характерен неосинкретизм, объясняемый интуитивным резонансным созвучием внутренних форм творческого процесса с

³ Сравним: у Гете – «О, продолжайте петь, вы, божественные мелодии! / Слеза набегаёт, Земля вновь обрела меня!» (дословный перевод).

древнейшими синергетическими представлениями о мире.

Мифопоэтическая лирика Ф.И.Тютчева 1820-х–1830-х годов свидетельствует о наличии в ней устойчивых интертекстуальных связей с лирикой Гете и позднего немецкого романтизма.

1. Саяпова А.М. «Истинное созерцание природы» как синергетический тип мышления В. Гёте // Филология и культура. Philology and culture. – 2012. – № 1 (27). – С. 125 – 129.
2. Саяпова А.М. «Письма о Тютчеве» Б.М. Козырева: к проблеме генезиса натурфилософии поэта // Учен. Зап. Казан. ун-та, 2013. – Т. 155: Сер. Гуманит. науки. Кн. 2. – С. 132 – 142.

3. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Литер. наследство. – Т. 97. Ф.И.Тютчев. – Кн. 1. – М.: Наука, 1988. – С. 70 – 131.
4. Немецкий язык с И.В.Гете. «Фауст». Ч. I. / Johann Wolfgang Goethe. «Faust». Der Tragodie erster Teil / подгот. А. Прокопьева. – М.: АСТ, 2008. – 571 с.
5. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Т. 1. Стихотворения. – М.: Худож. литер., 1984. – 496 с.
6. Гете И.В. Фауст / пер. с нем. Н. Холодковского. – М.: Дет. лит-ра., 1983. – 367 с.
7. Гете И.В. Фауст / пер. с нем. Б.Л.Пастернака. – М.: Худож. лит-ра., 1969. – 510 с.
8. Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Ф.И.Тютчева. – Саратов: Изд-во СГУ, 1969. – 256 с.

FOUR ELEMENTS IN F.I.TYUTCHEV'S TRANSLATIONS OF J.W.GOETHE'S «FAUST»: ON RESONANCE RELATIONSHIPS

A.M.Sayapova, M.V.Orlova

The article explores inter-textual relations between F.I.Tyutchev and Goethe's lyrics interpreted as a resonance type of relationships. Exemplified by four natural philosophical elements (fire, water, earth and air), the presence of a layer of Tyutchev's creative poetry, echoing the artistic system of Goethe, is established, which can be explained by a synergistic type of thinking in the perception of nature. That is the evidence of the novelty in our approach to the problem under study. F.I.Tyutchev's translations of Goethe's tragedy "Faust" provide the material aspect of the study.

Key words: four elements, natural-philosophical lyrics, the world as an entity, resonance relationships.

Саяпова Альбина Мазгаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: sayapova@list.ru

Орлова Мария Владимировна – студентка 5 курса отделения русской филологии Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: sayapova@list.ru

Поступила в редакцию 24.05.2013